

## ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ В 1860–1870 годах: ВЗГЛЯД ИЗ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Весной 1862 г. в обеих столицах Российской империи оживленно обсуждались события в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Несколько учеников тайком «забрались в алтарь, выпили бывшее там вино, нарядились в облачение, какое кому попало, посадили одного из себя на престол и воздавали ему поклонение». По другой версии, «мальчики забрались в свою домовую церковь делать пир, а пили из св. чаши шампанское». Управляющий Министерством народного просвещения (МНП) А.В. Головнин докладывал Александру II, «что 3 воспитанника 3-й гимназии шалили в алтаре, взяв крест и Евангелие, и что предполагается двоих уволить, а о третьем предложить родителям наказать телесно»<sup>1</sup>. В этом поступке многие современники видели не просто «шалость», а зловещий симптом тяжелого мировоззренческого кризиса, свидетельство падения религиозности в среде учащейся молодежи.

Внимание, с которым Министерство народного просвещения относилось к религиозному воспитанию в светских учебных заведениях, было постоянным и неизменным. Каким бы образом ни менялась стратегия руководителей министерства, какие бы повороты и зигзаги ни претерпевало развитие образовательной системы, важность этого направления никем и никогда не оспаривалась. Знаменитая уваровская триада включала православие как необходимую составную часть. Подчас личная религиозность министра воспринималась как залог стабильности, надежности и основательности его политики. Преемник гр. С.С. Уварова, кн. П.А. Ширинский-Шихматов, при котором уваровская система была серьезно деформирована, демонстрировал глубокое личное благочестие и ставил на первый план религиозное воспитание. Распространение в обществе и в учебных заведениях религиозного индифферентизма, а то и прямо антиклерикальных и материалистических идей на рубеже 1850–1860 гг. вызывало серьезную обеспокоенность власти, осознававшей необходимость перемен в образовательной политике. Когда в начале царствования Александра II стала ясной необходимость комплексного преобразования всей системы просвещения, министр А.С. Норов 5 марта 1856 г. изложил во всеподданнейшем докладе свое представление о необходимых реформах. Известный религиозный писатель и автор книг о путешествиях по Святым местам утверждал, что истины православной веры должны стать «коренным основанием всего воспитания и образования отечественного», и предлагал обратить внимание на методы преподавания Закона Божия и выбор законоучителей<sup>2</sup>.

Традиционно связывая успешно религиозного воспитания с личными убеждениями и верой министра, Александр II в разгар студенческих беспорядков назначил министром народного просвещения адмирала Е.В. Путятин. Морепоплаватель и дипломат, он был далек от проблем просвещения, но его глубокая религиозность обеспечила ему поддержку со стороны императрицы Марии Александровны. Обуреваемый сомнениями, Путятин немедленно отправился в Москву просить наставления у митрополита Московского Филарета (Дроздова) и получил от него благословение принять должность министра. Назначение Путятина министром современники воспринимали как признак того, что «Государь хочет религиозного воспитания»<sup>3</sup>. Путятин занимал этот пост с июня по декабрь 1861 г., проявив полную некомпетентность в новой для него деятельности. В конце декабря 1861 г. Александр II назначил управляющим Министерством народного просвещения А.В. Головнина. Это был представитель нового поколения реформаторов, принадлежавший к ближайшему окружению вел. кн. Константина Николаевича и преисполненный желания преобразовать учебное ведомство на либеральных началах. За 4 с половиной года руководства министерством ему удалось осу-

\* Стафёрова Елена Львовна, кандидат исторических наук.

шествовать комплексную реформу всей системы российского образования. При этом он, разумеется, не мог пройти мимо такой животрепещущей проблемы, как религиозное воспитание, и предложил целостную концепцию роли религии и духовенства в образовательном процессе. Ее осуществление было тесно связано и с коренными реформами в сфере просвещения, и с положением Церкви в обществе, и переменами внутри самой Церкви, и со взаимоотношениями Церкви и государства.

Несомненная личная религиозность Головнина была лишена всякого показного, демонстративного характера. В мемуарах он признавался: «Я всегда искренне находил религиозность необходимою, находил необходимым влияние религиозного элемента в воспитании, но весьма мало исполнял церковные правила и обычаи и никогда не старался показать, будто исполняю их»<sup>4</sup>. Он вспоминал, что собственным религиозным воспитанием обязан матери, Е.С. Головниной (в девичестве Лутковской). Его отталкивал «холодный деизм... религия людей образованных», и тем более далек он был от восхищения «просто материализмом, отрицающим духовное начало и объясняющим явления духа законами грубой материи»<sup>5</sup>. В то же время с юных лет Головнина отличали неприятие ханжества и лицемерия в религиозной жизни, широкий взгляд на конфессиональные различия. Первые уроки веротерпимости он получил в Царскосельском лицее, где «не делалось никакого различия между религиями и не было никаких излишних требований относительно обрядовой стороны»<sup>6</sup>. Веротерпимость стала неотъемлемой составной частью либерального идеала Головнина. При этом он был убежден, что для нравственного воспитания намного вреднее и опаснее религиозное ханжество, нежели разумный и толерантный скептицизм<sup>7</sup>.

Размышляя о причинах падения религиозности среди молодежи, Головнин называл в качестве одной из них отчужденное положение в российском обществе православного духовенства, которое «является у нас... вовсе не проповедником истины, не раскрывателем и обличителем заблуждений ума, но просто совершителем из платы известных церковных церемоний и обрядов»<sup>8</sup>. Головнин практически снимал с Министерства народного просвещения ответственность за распространение безверия и нигилистических идей, утверждая: «Наших учителей и училища обвиняют в распространении безверия, социализма, нигилизма и всяких вредных учений, я убежден в том, что не они главные виновники, всего более виновны устройство и образ действий духовенства. Вредные учения носятся в воздухе, находятся в книгах. Молодежь слышит их в обществе, в домах родителей и родственников, а не с кафедры. Духовенство, видя современное настроение умов, бездействует»<sup>9</sup>.

Как и многие тогда, Головнин полагал, что Церковь нуждается в серьезном реформировании, критиковал «кастовое устройство духовенства, назначение священников не по призванию, жалкое воспитание в духовных училищах, управление епархиями архиереями из монахов, вовсе незнакомых с административною частью и требованиями мира, подчинение Церкви светской власти и полицейское содействие служителям алтаря в отношении к раскольникам, отсутствие веротерпимости»<sup>10</sup>. В отличие от своего преемника, гр. Д.А. Толстого, он был далек от церковных реформ, никакого участия в них не принимал, и лишь высказывал свои убеждения по этому вопросу. По его мнению, целесообразно было «объявить полную свободу совести с дозволением свободно переходить из церкви в церковь и с разрешения раскольникам отправлять открыто богослужение, иметь свои храмы и своих архиереев», «отменить кастовое устройство православного духовенства с тем, чтобы дети духовных лиц свободно избирали себе образ жизни», а также «вести в Синод значительное число лиц белого духовенства»<sup>11</sup>. Немало критических суждений оставил Головнин о монастырях и монастырской жизни. Так, он был крайне строг к католическим монахам Неаполитанского королевства, стремившимся, как ему казалось, «поселить в образованных классах религиозный индифферентизм, в низших сословиях суеверие и воспитывать только невежественных фанатиков». Посещая православные монастыри, он не скрывал сомнений в том, «чтоб подобная жизнь, без всякого труда на пользу ближнего соответствовала духу христианской религии». Вместо многочасовых молитв, рассуждал Головнин, монахи могли бы

заниматься благотворительной деятельностью, создавать богадельни, школы, больницы, заботиться о несчастных и страждущих. Он сожалел о том, что «при св. мощах и чудотворных иконах не находится сеятелей слова, которые на удобренную почву бросали бы семена нравственной жизни»<sup>12</sup>.

Падение религиозности в среде молодежи Головнин напрямую связывал с проблемами внутри Церкви и несостоятельностью духовенства в религиозном воспитании. Поэтому роль Министерства народного просвещения в этом деле виделась ему достаточно скромной. В то же время, верный своим либеральным идеалам, он разделял понятия религиозного и нравственного воспитания. В качестве министра народного просвещения Головнин видел свою задачу в том, чтобы «устранить вредную полуобразованность и, полагая, что именно просвещенный человек не может не быть религиозным, облегчить духовенству возможность внушить религиозность лицам, у коих ум развит правильно, или, по крайней мере, достигнуть того, чтоб эти лица, если и не имеют сами религиозных верований, уважали оные в других и имели нравственность, общую всем людям независимо от религии»<sup>13</sup>.

Воспитательную роль религиозного преподавания он признавал только применительно к среднему и начальному образованию. Во время подготовки нового университетского устава развернулась серьезная дискуссия по вопросу о преподавании богословия в университетах. Многие представители высшего духовенства, считавшие богословие исключительно средством воспитания студентов, желали сократить курсы церковной истории и канонического права, а преподавание догматического и нравственного богословия, напротив, расширить<sup>14</sup>. Но Ученый комитет МНП поддержал профессора богословия Московского университета Н.А. Сергиевского и тех участников обсуждения, которые предлагали вывести церковное право и историю Церкви из ведения профессоров богословия и создать для них отдельные кафедры на юридическом и историко-филологическом факультетах. Головнин видел в этом способ облегчить духовенству исполнение его религиозной задачи, однако церковные иерархи сомневались, будут ли вновь учрежденные кафедры «действительно богословскими» и сохранят ли «свойственную таковым твердость». Потому они опасались, что подобная мера может «характер и дух наук богословских ослабить и подвергнуть преобладающему влиянию наук светских»<sup>15</sup>.

Иную роль отводил министр преподаванию религии в средней школе. Здесь, по его мнению, внимание учеников следует направлять «не столько на отвлеченную догматическую сторону религии, сколько на нравственно-практическое учение христианства»<sup>16</sup>. Правда, увеличивать количество часов на Закон Божий он признавал нецелесообразным, так как религиозному обучению следовало «дать более интенсивную, чем экстенсивную силу»<sup>17</sup>. Если применительно к высшему образованию министерство считало целесообразным максимально ограничить воспитательные функции религиозного преподавания, то в средних учебных заведениях, напротив, от законоучителя требовались проповедническое искусство и талант воспитателя. Головнин нередко сетовал на то, что именно этими свойствами большинство законоучителей не обладали, и ему редко приходилось встречать «человека, умеющего преподавать и возбуждать религиозное чувство в учениках»: «Большую частью я слышал как бы затверженный урок, преподавание безжизненное и сухое, в котором сердце и убеждение вовсе не участвовали»<sup>18</sup>. Мало что изменилось и после введения в действие гимназического устава 1864 г. Как признавал министр, «недостаток времени заставляет многих законоучителей уклоняться от участия в педагогических советах и чрез это оставаться чуждыми всему, что делается в гимназиях вне их уроков»<sup>19</sup>.

Головнин решительно выступил против предложения своего предшественника адмирала Путятина передать все народные школы независимо от того, кем они учреждены, в заведование духовенства, ибо «не мог допустить, чтобы общее образование, развитие всех способностей человека было предоставлено исключительно служителям какой-либо церкви, даже господствующей»<sup>20</sup>. В условиях, когда духовное ведомство откровенно претендовало на монополию в деле народного образования, Головнин

с полной невозмутимостью заявлял, что происходит «недоразумение», ибо «нельзя... предполагать, чтобы Св. Синод, говоря об исключительном праве духовенства учить народ, понимал под этим право учить наукам»<sup>21</sup>. По Высочайшему повелению, следовавшему 18 января 1862 г., учреждаемые духовенством народные училища оставались в его заведовании «с тем, чтобы Министерство народного просвещения оказывало содействие преуспеянию их по мере возможности», а Министерству следовало «учреждать по всей империи по соглашению с подлежащими ведомствами народные училища, которые должны оставаться в ведении сего министерства, причем министерству следует пользоваться содействием духовенства во всех случаях, когда оно признает это нужным и когда духовенство найдет возможным оказать ему содействие»<sup>22</sup>. Впоследствии Головнин объяснял компромиссный характер данного решения тем, что «ни министр народного просвещения... ни синодальный обер-прокурор Ахматов не пользовались доверием Государя в такой мере, чтобы убедить его величество согласиться с их взглядами», и «притом Головнин, опасаясь испортить дело, действовал слишком слабо и уступчиво»<sup>23</sup>.

В период подготовки Положения о начальных народных училищах Головнин настойчиво подчеркивал, «что православное духовенство... не может исполнять сколько-нибудь удовлетворительно должность учителей в народных школах и в состоянии только обучать Закону Божию». Сообщаемые Синодом цифры относительно открытых духовенством народных школ он считал завышенными и отмечал, что «из существующих на деле большая часть не заслуживает названия правильно организованной школы»<sup>24</sup>. Эту позицию министерство активно проводило в печати, инспирируя статьи, в которых критиковалась деятельность духовенства в области народного образования. На местах происходила острая межведомственная борьба. Так, в Киеве окружной инспектор М.А. Тулов при поддержке попечителя учебного округа организовал временную школу для народных учителей и развернул бурную деятельность по созданию народных школ. Митрополит Киевский Арсений (Москвин) «циркулярно и совершенно секретно» пригрозил «каждому священнику за допущение открытия в его селе министерской школы лишением прихода». В канцелярию попечителя Ф.Ф. Вите летели жалобы духовных лиц «на “какого-то” Тулова», который «разъезжает по селам и проповедует, что Бога нет»<sup>25</sup>.

Изменения, внесенные в проект сначала Особым совещанием под председательством гр. С.Г. Строганова, а затем Государственным советом, значительно усилили роль духовенства в народных школах, в частности, председателство в губернских училищных советах было возложено на архиереев. Головнин признавался, что ему пришлось пойти на ряд уступок и мер, которые поставили «губернские училищные советы в независимое от Министерства народного просвещения положение», опасаясь, «чтобы заведывание начальным общим образованием не было вовсе изъято из Министерства народного просвещения и не было передано всецело Св. Синоду, так как от подобной решительной меры он ожидал много вреда»<sup>26</sup>. Сходным образом воспринимали ситуацию и многие современники. В августе 1864 г. М.М. Стасюлевич писал П.А. Плетневу: «Замечательнее всего то, что новым уставом наше министерство, по-видимому, совершенно устраняется от начальных училищ... Впрочем, наши клерикалы намеревались, говорят, сделать что-то еще худшее, а потому надобно радоваться и тому, что есть»<sup>27</sup>.

В кругах, близких к церковным, Головнина считали «врагом православия» и относили к числу «нерасположенных к Церкви деятелей»<sup>28</sup>. В январе 1863 г. министр народного просвещения направил попечителям учебных округов, губернаторам и архиереям запрос о том, «усиливаются или уменьшаются научные занятия и замечается ли вообще более религиозного направления в нашей молодежи»<sup>29</sup>. Церковных иерархов данный запрос возмутил. По мнению митрополита Арсения (Москвина), «надеясь, что епархиальные архиереи в провинциях не посмеют из деликатности выказать ему горькой о гимназиях правды, он (Головнин. – Е.С.) спешит собрать от них желаемые отзывы, дабы в данных случаях для своих целей воспользоваться ими». Сам же Головнин, считал владыка, был «первый коновод дурного прогресса»<sup>30</sup>. «Главные обвинения про-

тив учреждений Министерства просвещения, – писал Головнин Н.А. Орлову уже после своей отставки, – исходили от лиц высшего духовенства, которые непрестанно обвиняли светские учебные заведения в безверии, отсутствии религиозности, материализме, нигилизме и пр.»<sup>31</sup>. Свою политику в области религиозного воспитания Головнин подробно осветил 3 мая 1866 г. в письме к барону А.П. Николаи. Выдвинутые против него обвинения он признавал несостоятельными. «Никто из моих предместников, – утверждал бывший министр, – не сделал столько для облегчения духовенству исполнения религиозной задачи его в учебных заведениях Министерства народного просвещения, но плоды зависят от времени и от личных достоинств духовенства. В университетах вместо одной кафедры богословских наук учреждено по три и профессорам удвоено содержание... Сверх того, прошлогодней командировкой профессора Сергиевского доставлена возможность преподавателям богословия условиться на счет лучших способов и единства преподавания. В гимназиях число часов преподавания Закона Божия увеличено, жалованье законоучителей возвышено, и они назначены непременно и старшими после председателя членами педагогических советов». Наконец, в народных школах роль духовенства, по утверждению Головнина, «явилась еще значительнее»<sup>32</sup>. Головнин демонстративно не замечал, что все принятые им меры либо ослабляли влияние духовенства в учебных заведениях, либо, с точки зрения архиереев, были далеко не достаточны. Адресат Головнина, его старый лицейский друг, к тому же в течение нескольких лет служивший в МНП, разумеется, знал, какую острую и сложную борьбу пришлось выдержать министру по вопросу о роли Церкви в народной школе.

5 апреля 1866 г., на следующий день после каракозовского покушения, император благосклонно встретил особое мнение обер-прокурора Св. Синода гр. Д.А. Толстого, решительно выступившего против передачи церковно-приходских школ Юго-западного края в ведение особых дирекций МНП, подобно тому, как это было уже сделано в Северо-западном крае. Подчинение церковно-приходских школ учебному ведомству Толстой признавал нецелесообразным и вредным. Подчеркивая, что в Юго-западном крае православное духовенство «одно всегда служило и служит единственным охранителем православно-народного духа и самым надежным оплотом против всяких чуждых влияний», обер-прокурор утверждал: служители Церкви «всегда будут иметь неоспоримое преимущество пред всякими другими учителями народа, которые иногда могут увлекаться собственными воззрениями, не всегда полезными для правительства и государства». «Для достижения единства недостаточно одного соединения разнородных, часто противоречащих элементов, – отмечал он. – Единство управления не составляет еще единства направления, а этого-то последнего и следует достигнуть; оно может последовать и без предположенного слияния в управлении, если лица учебного ведомства будут вести обучение народа в строго нравственном духе, как это постоянно делают духовные пастыри»<sup>33</sup>.

13 апреля 1866 г. Головнин был отправлен в отставку. Во главе министерства его сменил гр. Д.А. Толстой, сохранивший и пост обер-прокурора Св. Синода. Император видел в нем человека, способного обеспечить «единство направления» учебных преобразований и восстановить пошатнувшуюся в учебных заведениях религиозность. Александр II напомнил гр. Толстому об опыте министерства кн. А.Н. Голицына, руководившего просвещением и духовными делами: «Тот старик не отказался нести это бремя; и светские, и духовные училища требуют преобразования. Нужно, чтобы они шли соответственно, возьми это дело на себя»<sup>34</sup>. Впрочем, сходство между положением Толстого и Голицына в данном случае было чисто внешним, ибо Александр II, соединяя две должности в руках одного человека, вовсе не намеревался повторять опыт «сугубого министерства» и создавать новую управленческую структуру. К тому же, как верно заметил историк, «Толстой был совершенно чужд мистической мечтательности и восторженности, свойственной Голицыну», он полагал, что «в Церкви должны осуществляться те же реформы, что и во всем государстве»<sup>35</sup>.

О религиозных убеждениях гр. Толстого современники высказывались скупой и неоднозначно. Е.М. Феоктистов указывал, что Толстой был «известен своими строго ре-

лигиозными убеждениями». Однако позднее он же отмечал, что «дело веры не было для него жизненным интересом, а состояло лишь в довольно ленивом исполнении обрядов»<sup>36</sup>. По мнению кн. В.П. Мещерского, обер-прокурор Синода «изображал собою деиста, философа», а митрополит Петербургский Исидор (Никольский) уже после смерти Толстого говорил, что «никто не помнит, когда он причащался»<sup>37</sup>. Внимание Толстого к религиозным потребностям его крестьян выразилось, например, в том, что в 1860 г. он отправил старосте с. Шельбово ковер, собственноручно вышитый его женой «в знак нашего уважения к шельбовской церкви»<sup>38</sup>. Степень же своего знакомства со Священным Писанием граф обнаружил, публично назвав однажды слова «нет пророка в своем отечестве» французской поговоркой<sup>39</sup>. Мемуаристы отмечали, что Толстой регулярно интересовался историческими и богословскими сочинениями, выходившими на французском и немецком языках, но с русской духовной литературой был «незнаком нисколько»<sup>40</sup>. В то же время непопулярность Толстого в церковных кругах заставляла современников преувеличивать нерасположение обер-прокурора к делам духовного ведомства. Современный исследователь отмечает, что представления об оторванности Толстого от церковной среды и второстепенности для него обер-прокурорских обязанностей «нуждаются в серьезной корректировке»<sup>41</sup>. Он был гораздо лучше иных своих предшественников подготовлен к должности обер-прокурора: служил вице-директором в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД, написал обширный научно-публицистический труд «Римский католицизм в России», участвовал в религиозной полемике конца 1850-х гг. Передача по его инициативе в феврале 1869 г. униатских дел в ведение Министерства народного просвещения и активное содействие воссоединению холмских униатов с православием свидетельствовали о серьезном интересе к межконфессиональным отношениям и стремлении воплотить на практике идеи, сложившиеся в ходе их изучения.

Работая в 1848–1850 гг. над книгой о католицизме в России, Толстой использовал богатый, подчас уникальный фактический материал из архивов Петербурга, Москвы, а также западных губерний империи<sup>42</sup>. Как отмечал сам Толстой в письме к митрополиту Филарету (Дроздову), в своем труде он попытался отделить друг от друга 3 вопроса – вопрос чисто религиозный, вопрос об определении границ «между властью государственною и духовною властью» и вопрос политический<sup>43</sup>. Что касается оценок и выводов, то они были предопределены, ибо для автора, «в отличие от ученого-историка, на первом месте находился не поиск истины, а защита интересов государства»<sup>44</sup>. Толстой утверждал, что в течение всей русской истории православное духовенство «всегда действовало согласно с правительством», при этом «согласие двух властей никогда не было подчинением одной перед другою», «обе власти шли рука об руку в своих отдельных сферах»<sup>45</sup>. В то же время он восторженно описывал беседу Ивана Грозного с иезуитом Антонио Поссевино, подчеркивая, что Римский престол обратился «не к православному духовенству», а к самодержавному государю. И этот «неограниченный, полный владыка над своими поданными, не сознает в себе главенства над Церковью, но вместе с тем вступает в открытые прения с папским послом о самых истинах православной веры, доказывает непреложность ее догматов». В этом Толстой видел «неразрывную, хотя и неразгаданную связь властей светской и духовной в России»<sup>46</sup>. Однако прослеживая политику русских царей и императоров по отношению к Риму, Толстой доказывал, что эта политика только тогда была действенной и эффективной, когда государственным интересам отдавался приоритет по сравнению с церковными канонами<sup>47</sup>.

При Путятине Толстой занимал должность директора Департамента народного просвещения и оставил эту должность после назначения министром Головнина. Серьезное влияние на карьеру Толстого оказала благосклонность императрицы Марии Александровны, в глазах которой он был именно тем человеком, который способен восстановить религиозное воспитание в учебных заведениях. Ходили слухи, что императрица читала сочинение Толстого о католицизме, изданное в 1862 г. за границей на французском языке, «в то время, когда Государь, вошедши к ней в кабинет, стал спрашивать ее

совета, кого назначить на место Головнина министром народного просвещения; она будто бы указала на автора лежащего перед нею сочинения»<sup>48</sup>. Таким образом, выбор Толстого в качестве министра просвещения мог оказаться удачным или неудачным, но он не был случайным. Если Головнин утверждал, что восстановить религиозное воспитание Министерству народного просвещения не под силу до тех пор, пока Церковь не проведет внутренние преобразования, то Толстой как раз и был призван к тому, чтобы решить обе эти задачи. Головнин справедливо отмечал исключительную сложность положения Толстого, призванного управлять сразу двумя ведомствами: «Я решительно не понимаю, какие он изобретет средства для достижения цели, указанной Государем – введения полного единства в действиях обоих ведомств и усиления в Министерстве народного просвещения религиозного элемента. При том должно заметить, что духовные училища суть худшие школы в империи, что духовенство не пользуется нравственным влиянием ни на какое сословие и приглашается в дом богача, вельможи и в избу крестьянина только для совершения потребной церемонии за плату, что в духовенстве разлад между черным и белым и что духовные школы дали нам самых известных нигилистов, которые старались распространять самые безобразные крайние учения. Скоро ли графу Толстому удастся изменить к лучшему личный состав духовенства, а до того времени что же он, располагая нынешними личностями, в состоянии будет сделать в Министерстве народного просвещения?»<sup>49</sup>.

Преобразования в церковной жизни начались задолго до вступления Толстого в должность обер-прокурора. Он не был их инициатором, но со свойственной ему энергией придал им новый импульс. При этом Толстой исходил из сложившегося у него представления о взаимоотношениях Церкви и светской власти, считая приоритетными интересы государственной пользы. По свидетельству Феокистова, граф утверждал, что смотрит на духовенство «как на силу, которая должна находиться в подчинении правительству и которою умное правительство может искусно пользоваться для своих целей»<sup>50</sup>. Руководя духовным ведомством, Толстой видел свою главную цель в том, чтобы разрушить замкнутость духовного сословия. В своей книге Толстой безжалостно бичевал «кастовый дух» католического духовенства, не желающего «допустить своих питомцев до каких-либо сношений с лицами других сословий и в особенности до прикосновения со светом науки»<sup>51</sup>. Известна неприязнь Толстого к монастырям и монашествующим. Немало страниц в книге о католицизме в России Толстой посвятил обличению «вредного класса праздных, ленивых, утопавших в роскоши монахов, бывших не украшением, а позором церкви»<sup>52</sup>. По словам современников, «не терпел» граф и православных монахов, и «не раз говорил, что не желал бы, чтобы его хоронили монахи»<sup>53</sup>. Во время инспекционной поездки в Таганрог в 1867 г. Толстой, не выбирая выражений, публично рассуждал о необходимости «очистить русское духовенство от слоя накопившейся на нем вековой нравственной грязи», образовавшейся от того, по его словам, что «духовенство составляет тесно сплоченную касту, строго оберегающую свои традиции». «Надо уничтожить ее, – заявлял министр и обер-прокурор, – и открыть свободный доступ к духовному званию всякому желающему, и духовенство нравственно возродится»<sup>54</sup>. С этой целью при Толстом в 1867 г. была отменена наследственность приходов, изменился статус детей священнослужителей, получивших в 1869 г. свободу выбора профессии и поступления на службу, готовилась реформа церковного суда, не осуществленная из-за того, что православные иерархи признали ее неканоничной<sup>55</sup>.

Отношения Толстого с представителями высшего духовенства всегда оставались сложными, напряженными и неоднозначными. Во время поездки в 1872 г. по Виленскому учебному округу министр обратил внимание, что епископ Минский и Бобруйский Александр (Добрынин) на торжественном обеде у минского губернатора, «не стесняясь, вкушал» мясные блюда: «Графу Толстому это показалось до того странным и неприятным, что он не хотел затем ехать на обед к преосвященному и наконец согласился по приглашению преосвященного под тем только условием, если хозяин, предлагая гостям за трапезой мясные блюда, сам ограничится рыбной пищей. Так и было сде-

лано». Впрочем, епископ Полоцкий Савва (Тихомиров) вспоминал о той же ревизии, что в искренней беседе с обер-прокурором «излил, можно сказать, всю душу, все мои скорби затруднения, и получил от него разъяснение многих недоразумений»<sup>56</sup>.

Если в качестве министра народного просвещения Толстой стремился ограничить учительскую инициативу и полномочия педагогических советов, усилить авторитарную власть директоров, ужесточить дисциплину и контроль, то в качестве обер-прокурора он заботился о распространении выборного начала и поощрял церковный либерализм. В частности, Толстой покровительствовал газете «Церковно-общественный вестник», которой, в 1874–1886 гг. руководил литератор А.И. Поповицкий. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, он был псаломщиком русской церкви в Париже, затем преподавал французский язык в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. В 1862 г. Поповицкий был приглашен Ученым комитетом МНП в качестве эксперта по вопросам религиозного воспитания и принял участие в работе над уставами учебных заведений. «Церковно-общественный вестник» находился под непосредственным влиянием председателя Духовно-учебного комитета Св. Синода протоиерея И.В. Васильева и «получал от графа Толстого ежегодную субсидию в две тысячи рублей»<sup>57</sup>. Поповицкий, как отмечал протоиерей В.Ф. Певницкий, «сумел как нельзя лучше воспользоваться своим положением и... смело и безопасно выяснить все причины униженного положения духовенства», позволяя себе критиковать «распоряжения архиереев»<sup>58</sup>. Как утверждает современный исследователь, «Толстой использовал либеральные начала для того, чтоб “расслоить”, “разрыхлить” Церковь и окончательно включить ее в состав бюрократического аппарата»<sup>59</sup>.

В качестве министра народного просвещения Толстой стал практиковать ежегодные ревизионные поездки в один из учебных округов, во время которых он получил возможность лично познакомиться и с духовными учебными заведениями. О поездке Толстого осенью 1866 г. в Казанский учебный округ современник писал: «Вообще, говорят, он недоволен духовными заведениями. В Казани он зашел на немецкий класс в академии, спросил некоторых, не знают ничего. Вызвал желающих, явились только двое, и те плохо ответили. Более не осматривал классов. В Ярославле наставников не слушал; дурное помещение учеников в подвале, шестьдесят учеников в одной комнате, полной вони, так его поразило, что он выбежал оттуда»<sup>60</sup>. Толстой с решительностью и энергией завершил реформирование системы духовных учебных заведений. 14 мая 1867 г. был утвержден Устав семинарий и духовных училищ, а 30 мая 1869 г. – Устав духовных академий, в которых выразилось «настойчивое желание гр. Толстого включить духовные школы в общую систему образования и упразднить специфику духовной школы»<sup>61</sup>.

Умело играя на противоречиях между черным и белым духовенством, Толстой стремился прекратить практику назначения ректорами духовных академий монахов. Особым вниманием обер-прокурора пользовалось так называемое посольское духовенство, составлявшее в духовном сословии особую группу и отличавшееся «и уровнем образования, и материальным обеспечением, и вниманием к их службе официальных властей»<sup>62</sup>. В поисках кандидатуры на пост ректора Санкт-Петербургской духовной академии Толстой обращался сначала к протоиерею И.И. Базарову, священнику русской церкви в Штутгарте, а затем к священнику посольской церкви в Берлине (ранее в Висбадене) И.Л. Янышеву, который и занял этот пост, руководя академией до 1883 г. и вздыхая во время конфликтов с преподавателями: «Все брошу и уеду псаломщиком в Висбаден»<sup>63</sup>. Одним из ближайших сотрудников Толстого стал протоиерей И.В. Васильев, настоятель посольского храма в Париже, немало сделавший для распространения представлений о русском православии на Западе (Толстой не раз обращался к нему за консультациями, изучая историю католицизма в России). В 1867 г. Толстой пригласил Васильева занять пост председателя Духовно-учебного комитета. По воспоминаниям дочери священника, он «был первым лицом из белого духовенства, занявшим видный административный пост»<sup>64</sup>. Во время подготовки реформы духовных академий Васильев и Янышев «горячо были преданы делу преобразования и являлись

прекрасными, весьма сведущими представителями постановки высшего богословского образования на Западе: прот. И.В. Васильев – в римском-католическом мире, прот. И.Л. Янышев – в протестантском»<sup>65</sup>.

В эпоху преобразований активно дискутировался вопрос о возможности слияния духовных и светских учебных заведений и создания вместо духовных академий богословских факультетов. Подобную идею выдвигали сторонники всесословности образования<sup>66</sup>. Не чужд был подобным настроениям и Головин, признававший необходимым «исключив вовсе из духовного ведомства общеобразовательные учебные заведения, сохранить только высшие специальные курсы богословских наук в духовных академиях, а в прочие учебные заведения назначать духовных лиц только в законоучители»<sup>67</sup>. Разумеется, никаких реальных возможностей для реализации подобных идей он не имел. Идея богословских факультетов вновь всплыла во время подготовки реформы духовных академий. О протоиерее Янышеве современники говорили, что в деле преобразования духовных академий «идеалом его был богословский факультет преимущественно немецких университетов»<sup>68</sup>. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский с тревогой писал, что «лютеранские идеи проскальзывают в распоряжения нашей высшей администрации и слияние академий с университетами проложит им широкий путь»<sup>69</sup>. Толстой же, настороженно относясь к идее богословского факультета<sup>70</sup>, считал тем не менее необходимым усилить богословскую специализацию академий. При этом он ссыался на волю монарха, которому «неудобно сделать из академий факультет университетский, но он желает сохранить их самостоятельность», поскольку «за университетом с нравственной стороны нельзя иметь строгого наблюдения», а в академии на это должно быть обращено особое внимание. Однако «духовная академия не должна захватывать предметов университетского образования, должна быть собственно богословским высшим училищем»<sup>71</sup>. Даже в 1875 г. председатель Ученого комитета МНП А.И. Георгиевский задавал епископу Харьковскому Савве (Тихомирову) «искусительный» вопрос: «Не было ли полезно открывать при университетах богословский факультет?»<sup>72</sup>.

Д.А. Толстой признавался, что, приступая к преобразованиям духовных учебных заведений, стремился «спасти семинарии, чтобы они не слились с гимназиями», ибо «Государь, наслышавшись всего дурного о семинариях, говорил: зачем тебе их беречь, у тебя есть гимназии?»<sup>73</sup>. Слияния не произошло, но Толстой постарался максимально сблизить духовные и светские учебные заведения, включив их в общую систему. В беседе с Саввой (Тихомировым) в августе 1876 г. протоиерей И.В. Васильев жаловался «на обер-прокурора графа Толстого за то, что он, сделавшись вместе министром народного просвещения, стал унижать духовно-учебные заведения перед светскими; между тем как прежде, пока был только обер-прокурором, он превозносил семинарии перед гимназиями»<sup>74</sup>. В 1879 г. выпускники духовных семинарий лишились права поступать без экзамена в университеты. Отныне они должны были выдержать испытания зрелости в одной из гимназий МНП. Как объяснял эту меру министр, «за исключением лишь греческого языка, общий курс учения в духовных семинариях не соответствует курсу гимназическому вообще и стоит значительно ниже последнего»<sup>75</sup>. Архиепископ Никанор (Бровкович), подобно многим другим представителям высшего духовенства, опасался, что «в конце его (Толстого. – Е.С.) реформ светится секуляризация Церкви». Отмечая стремление «слить наши заведения, академии и гимназии с университетами и подчинить церковное воспитание светскому контролю Министерства народного просвещения», он в полемическом увлечении восклицал, что Толстой «только переодетый Головин, или даже Чернышевский в министерском мундире»<sup>76</sup>.

Еще не будучи министром, Толстой высказывал опасения, что «при настоящем направлении умов в наших учебных заведениях» предоставленное университетам «право на удостоверение учеными степенями по церковной истории и церковному законоведению» угрожает «весьма вредными последствиями»<sup>77</sup>. Возглавив МНП, Толстой вновь поднял вопрос о замещении кафедр церковной истории и церковного законоведения. Согласно разработанным и утвержденным правилами, профессорами и доцентами цер-

ковной истории могли быть определены магистры духовных академий или доктора богословия, прошедшие курс в духовных академиях по церковно-историческому отделению и получившие в них ученую степень, а также кандидаты духовных академий, которые приобрели ученую степень в университетах. Профессором церковного законоведения «должен быть непременно юрист, обладающий вместе с тем достаточными для науки церковного законоведения познаниями в богословской науке»<sup>78</sup>. Испытания в церковном законоведении для приобретения высшей ученой степени следовало проводить исключительно в университетах.

В новом гимназическом уставе 1871 г. количество часов на изучение Закона Божия было сокращено, как заверял Толстой, «без всякого ущерба для преподавания этого важнейшего для нравственного развития учащихся предмета». По мнению же учителей, Закон Божий занимал в гимназии «третьестепенное» место<sup>79</sup>. Посещая уроки Закона Божия, министр внимательно следил, чтобы они соответствовали инструкции. При этом именно те методы и способы преподавания Закона Божия, о которых с одобрением писал Головин, вызвали особое неудовольствие Толстого. Во время ревизии Курской гимназии в 1870 г. законоучитель А.А. Танков решил «занять внимание высоких посетителей особым предметом, не разработанным в катехизисе митрополита Филарета». Министр остался этим крайне недоволен и резко отчитал директора гимназии. Ни одушевление законоучителя, ни осознанный интерес и активность учащихся не имели в его глазах самостоятельной ценности и не оправдывали выход за рамки программы и обращение к вопросам, которые следовало изучать в духовном, а не в светском учебном заведении<sup>80</sup>.

«Правила для учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения», утвержденные в 1874 г., обязывали учащихся православной веры в воскресные и праздничные дни посещать богослужение, ежегодно бывать на исповеди и у причастия; наблюдение за этим поручалось учебному начальству. В специальной «Объяснительной записке в дополнение к правилам для учеников гимназий и прогимназий и правилам о взысканиях» отмечалось, что «только при истинно христианском настроении наставников оно может сообщиться и их ученикам; иначе же все будет ложью и лицемерием». Каждый учебный день должен был начинаться с общей молитвы, присутствие на которой учащихся и учителей являлось обязательным. «Записка» рекомендовала всячески поощрять участие гимназистов в церковном хоре, что «несомненно, привлечет к гимназической церкви не только учеников, но и их родителей и наставников»<sup>81</sup>. В период министерства Толстого при гимназиях было открыто немало домовых церквей. Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский считал открытие новых домовых церквей при учебных заведениях одной из своих главнейших обязанностей<sup>82</sup>. Но действенность такой политики была различной. Как вспоминал Н.Ф. Сумцов, «во время моего обучения посещение храма имело характер отбывания повинности»: «В низших классах мы еще стояли как следует, в рядах, впереди, видели и слышали богослужение, а в 7-м классе, на положении взрослых молодых людей, мы стояли уже вне храма, у дверей при входе в зал, ничего не видели, кроме милостивых воспитанниц одного женского пансиона, гуляли во время служения по зале, сидели на мягких диванчиках, рассматривали в шкафах зоологические коллекции и по окончании обедни шли на переключку»<sup>83</sup>.

Усиливая преподавание в гимназии древних языков, Толстой придавал ему важный воспитательный и даже религиозный смысл, указывая, что «само христианское изучение было впервые раскрыто, разъяснено и проповедано миру на языках греческом и латинском»<sup>84</sup>. Но противоречие между классическим гуманизмом и христианским учением в рамках толстовской учебной системы так и не было разрешено<sup>85</sup>. Попытка же насаждения классицизма в духовных учебных заведениях воспринималась неоднозначно и нередко добавляла остроты и противоречий в отношения между министром народного просвещения и духовенством, не сочувствовавшим знакомству учащихся «с языческою мифологиею»<sup>86</sup>.

Толстой начал свою деятельность в качестве министра с заявления о том, что для народных школ нет лучших учителей, чем представители духовенства. Тогда он с подозрением относился к трудам своего предшественника по устройству учительских семинарий (специальных учебных заведений для подготовки учителей начальных школ). Напротив, в курс духовных семинарий было введено преподавание педагогики, а при семинариях и при училищах девиц духовного звания учреждались воскресные школы. Но уже в январе 1868 г. Толстой признался в разговоре с членом Ученого комитета МНП Н.Х. Весселем, убежденным сторонником учительских семинарий: «Нет, вы были правы, я виноват, с нашим духовенством ничего не поделаешь»<sup>87</sup>. На протяжении второй половины 1860 – начала 1870-х гг. наблюдалось сокращение церковно-приходских школ. Тенденция к объединению учебных заведений империи под руководством МНП коснулась и народных школ, созданных Церковью<sup>88</sup>. В отчете по духовному ведомству за 1869 г. Толстой отмечал, что многие церковно-приходские школы поступили в ведение министерства, хотя священники продолжают в них преподавать, «если не в качестве наставников, то непременно в качестве законоучителей»<sup>89</sup>. Отрицательно влияло на развитие церковно-приходских школ и проводившееся с 1869 г. укрупнение приходов. Когда 1879 г. в Особом совещании под председательством П.А. Валуева был поднят вопрос о несостоятельности народных учителей, выпускаемых учительскими семинариями, и о передаче народного образования в руки духовенства, Толстой защищал учительские семинарии, утверждая, что «у духовенства не хватает времени для совершения треб, а тем более у него не хватит времени для правильного обучения детей». При этом он «ссылался на опыт всех европейских государств, сознавших необходимость учительских семинарий», и заявлял, что считает «недостаточным для народного образования, если оно будет исключительно в руках духовенства»<sup>90</sup>.

Выступив в 1866 г. против распространения на школы Юго-западного края опыта виленской дирекции народных училищ, Толстой в период подготовки реформы начальных школ именно этот опыт признавал образцовым и чрезвычайно полезным для народного образования<sup>91</sup>. Высочайше утвержденным 25 мая 1869 г. мнением Государственного совета в распоряжение МНП было предоставлено 65 тыс. руб., из которых 30 тыс. предназначались на ежегодные пособия лучшим церковно-приходским школам. Определить же их должна была специальная ревизия, поручавшаяся инспекторам народных училищ. Это вызвало резкую реакцию со стороны митрополита Арсения (Москвина), который, по собственному признанию, немедленно начал вести «войну ожесточенную» против светской инспекции церковно-приходских школ, характеризуя ее как «какую-то странную аномалию, ни в одном благоустроенном государстве не допускаемую, а в христианском обществе... и вовсе нетерпимую»<sup>92</sup>. Тем не менее Киевская губ. получила выделенные ей 10 тыс. руб. только после того, как митрополит выразил свое согласие с правилами инспекции, составленными попечителем учебного округа.

«Положение о начальных народных училищах» 25 мая 1874 г. усилило влияние инспекторов народных училищ на сельские школы, а председателями губернских училищных советов вместо архиереев стали предводители дворянства (правда, сам Толстой считал целесообразным, чтобы ими являлись директора народных училищ)<sup>93</sup>. Как утверждалось в отчете обер-прокурора Св. Синода за 1874 г., министерским народным школам «крестьяне отдают предпочтение на том основании, что в сих последних элементарное обучение предположено в большем объеме, чем в церковно-приходских школах». При этом заявлялось, что участие духовенства в народном образовании «остается неизменным», а Положение 25 мая 1874 г. «упрочивает влияние пастырей Церкви на эти школы», вверяя высшее наблюдение за религиозно-нравственным направлением местному архиерею, «и вообще сохраняет за духовенством право участия в управлении народными училищами»<sup>94</sup>.

Деятельность Толстого как на посту министра, так и в качестве обер-прокурора подвергалась критике с самых разных сторон, и под давлением гр. М.Т. Лорис-Меликова 18 апреля 1880 г. он был уволен с обеих должностей. В МНП его заменил А.А. Са-

буров, а обер-прокурором Св. Синода стал К.П. Победоносцев. Как и его предшественника, Толстого упрекали за рост безверия и нигилизма среди учащихся. Реформы Толстого, по мнению церковных иерархов, были проведены «в духе Комитета Министров, в духе высшего светского круга, в духе государственном, который стремится подчинить себе дух церковный»<sup>95</sup>. В распоряжениях Толстого усматривались «лютеранский дух» и «стремление сделать из Церкви орудие гражданской власти и администрации», «разбить и ослабить нынешнее духовное сословие, уменьшить его влияние на народ», «употреблять религию как средство для политики и администрации», а также ослабить в духовенстве «сильный консервативный элемент»<sup>96</sup>. Немало было написано и о слабом уровне религиозного сознания в среде преподавателей. «Можно ли требовать от воспитывающегося юношества особенной горячности в вере и любви к Церкви, когда мы не видим таких качеств в их ученых руководителях и воспитателях?», – спрашивал в 1879 г. епископ Савва (Тихомиров) Н.А. Сергиевского<sup>97</sup>. О недостаточном внимании со стороны светских учителей к Закону Божию с тревогой писала П.С. Казанскому и известная писательница А.Н. Бахметева, из-под пера которой вышло немало религиозных книг для народного чтения<sup>98</sup>.

А.В. Головнин и Д.А. Толстой вошли в историю как антиподы. Принято противопоставлять реформаторскую деятельность одного и охранительную политику другого. Но в представлениях обоих министров о религиозном элементе в образовании было немало общего. Понимая важность религиозного воспитания учащихся, оба они были убежденными сторонниками светской школы и популярностью в церковных кругах трудно не пользовались. И Головнин, и Толстой серьезно изучали опыт Европы в области развития просвещения и при этом проявляли пристальный интерес к протестантским моделям взаимоотношений Церкви и государства. Оба связывали успешность религиозного воспитания учащихся светских учебных заведений с положением внутри Церкви и церковными реформами, главным содержанием которых должно было стать, по их мнению, преодоление сословной замкнутости духовенства. Оба негативно относились к монастырям и монастырской жизни и полагали, что следует улучшить положение белого духовенства. Один из наиболее частых аргументов Головнина заключался в том, что Министерство народного просвещения до тех пор не добьется успеха в религиозном воспитании учащихся, пока сама Церковь не проведет глубокие реформы. Толстой по воле императора активно проводил преобразования в церковной жизни. Главную задачу Церкви в системе образования Головнин видел в нравственном воспитании учащихся, которое понимал шире, чем воспитание религиозное, и в области религиозного воспитания в светской школе выдвигал принципы общего характера, в большинстве случаев оказывавшиеся нежизнеспособными. Толстой, не разделяя представлений Головнина о широкой веротерпимости и «общей всем людям» нравственности, строго следил, чтобы деятельность служителей Церкви, в том числе и в образовании, была жестко подчинена государственным интересам. Заботясь о религиозном воспитании учащихся, Толстой делал акцент на формальных требованиях, исполнение которых легко было контролировать. Реформы 1860–1870-х гг. серьезно изменили и положение духовенства, и систему образования, но процесс падения религиозности в обществе вообще и в школе в частности они не остановили. Перед столь глубокой и многоплановой проблемой и реформатор Головнин, и охранитель Толстой оказались в итоге равно бессильны.

## Примечания

<sup>1</sup> Воспоминания протоиерея И.И. Базарова // Русская старина. 1901. № 8. С. 246; *Беляев А.А.* Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Вып. 1. Сергиев Посад, 1910. С. 268; *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 19. СПб., 1905. С. 154; ОР РНБ, ф. 244, оп. 1, д. 25, л. 7.

<sup>2</sup> *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 353.

- <sup>3</sup> Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 237; Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 157, 158; Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 1. С. 228.
- <sup>4</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 432.
- <sup>5</sup> Там же. С. 455.
- <sup>6</sup> Там же. С. 34.
- <sup>7</sup> Подробнее о религиозных убеждениях Головнина см.: Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 372–379.
- <sup>8</sup> ОР РНБ, ф. 208, оп. 1, д. 236, л. 15 об.
- <sup>9</sup> Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханыкову // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 366–367.
- <sup>10</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 62.
- <sup>11</sup> Там же. С. 367.
- <sup>12</sup> Там же. С. 193–194, 63; Головнин А.В. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 г. // Записки научного общества марксистов. 1927. № 1. С. 144.
- <sup>13</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 350.
- <sup>14</sup> Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1. СПб., 1862. С. 457, 458, 460.
- <sup>15</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 351; Разная переписка по Министерству народного просвещения в 1862, 1863 и 1864 гг. СПб., 1864. С. 31, 36.
- <sup>16</sup> Всеподданнейший доклад министра народного просвещения 7 сентября 1865 года. СПб., 1865. С. 17.
- <sup>17</sup> По поводу нового устава гимназий и прогимназий // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1864. № 12. Отд. IV. С. 30.
- <sup>18</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 351.
- <sup>19</sup> Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1865. С. 137–138.
- <sup>20</sup> «История России получила бы другой вид...». Записки и материалы А.В. Головнина. 1850-е–1880-е гг. // Исторический архив. 2008. № 6. С. 195.
- <sup>21</sup> Рождественский С.В. Указ. соч. С. 445.
- <sup>22</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1865. Стб. 704.
- <sup>23</sup> РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 23, л. 32.
- <sup>24</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 291.
- <sup>25</sup> Чальй М.К. Белоцерковская гимназия // Киевская старина. 1900. № 12. С. 104; Из воспоминаний Н.Д. Богатинова // Русский архив. 1899. № 9. С. 108.
- <sup>26</sup> РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 23, л. 35 об.
- <sup>27</sup> М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 160.
- <sup>28</sup> Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 2. Сергиев Посад, 1916. С. 20, 68.
- <sup>29</sup> РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 9, л. 1.
- <sup>30</sup> Письма митрополита Киевского Арсения к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2. С. 210, 212.
- <sup>31</sup> РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 11, л. 186.
- <sup>32</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. С. 351.
- <sup>33</sup> Татищев С.С. Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 243, 244.
- <sup>34</sup> Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 2. С. 74.
- <sup>35</sup> Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 165–166.
- <sup>36</sup> ОР РГБ, ф. 120, к. 12, д. 13, л. 7; Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания. 1848–1896. М., 1991. С. 172.
- <sup>37</sup> Мецкерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 445; Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 112.
- <sup>38</sup> Селиванов А.З. Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанской губернии (Граф Д.А. Толстой как хозяин и помещик). Рязань, 1928. С. 9.
- <sup>39</sup> Речи и статьи графа Д.А. Толстого. СПб., 1876. С. 34; Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 194.
- <sup>40</sup> Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. М., 2005. С. 231; Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 2. С. 125.
- <sup>41</sup> Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). М., 2006. С. 201.

<sup>42</sup> Подробнее см.: Вишленкова Е.А. Католицизм в России александровской эпохи в официальной историографии XIX века // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998; Барыкина И.Е. Конфессиональный спор в середине XIX века как предмет научного исследования (Разбор исторического сочинения графа Д.А. Толстого «Римский католицизм в России») // Церковь и время. 2005. № 3.

<sup>43</sup> Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 год). СПб., 1900. С. 604–605.

<sup>44</sup> Барыкина И.Е. Указ. соч. С. 115.

<sup>45</sup> Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование. Т. 1. СПб., 1876. С. 3.

<sup>46</sup> Там же. С. 60, 61.

<sup>47</sup> Там же. Т. 2. СПб., 1876. С. 228–229, 335.

<sup>48</sup> Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 297; Савва (Тихомиров), еп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т. 5. Сергиев Посад, 1904. С. 923.

<sup>49</sup> Головин А.В. Записки для немногих. С. 352.

<sup>50</sup> Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 172–173.

<sup>51</sup> Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 2. С. 261.

<sup>52</sup> Там же. С. 47.

<sup>53</sup> Богданович А.В. Указ. соч. С. 111, 107.

<sup>54</sup> Бобровский С.А. Из моих служебных воспоминаний // Русская школа. 1901. № 12. С. 28–29.

<sup>55</sup> Подробнее о роли Д.А. Толстого в церковных реформах см.: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.

<sup>56</sup> Савва (Тихомиров), еп. Указ. соч. Т. 4. Сергиев Посад, 1902. С. 606–607, 614.

<sup>57</sup> Савва (Тихомиров), еп. Указ. соч. Т. 7. Сергиев Посад, 1907. С. 152.

<sup>58</sup> Записки протоиерея Певницкого // Русская старина. 1905. № 9. С. 560.

<sup>59</sup> Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 22.

<sup>60</sup> Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 2. С. 95.

<sup>61</sup> Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 164.

<sup>62</sup> Одерова М. Сюртук, под ним – наперсный крест (Русское посольское духовенство в Европе) // Родина. 2008. № 2. С. 65.

<sup>63</sup> Воспоминания протоиерея И.И. Базарова // Русская старина. 1901. № 10. С. 95; Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 11. С. 300.

<sup>64</sup> Автономова Л.И. Указ. соч. № 10. С. 44.

<sup>65</sup> Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // Христианское чтение. 1916. № 1. С. 157.

<sup>66</sup> Извлечение из письма К.Д. Кавелина А.В. Головину от 25 марта (6 апреля) 1863 г. из Тюбингена // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899. Стб. 84; Письмо А.П. Щапова Александру II // Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Т. 33. Вып. 4. Казань, 1827. С. 90.

<sup>67</sup> Головин Л.В. Записки для немногих. С. 367.

<sup>68</sup> Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора. С. 50.

<sup>69</sup> Беляев А.А. Указ. соч. Вып. 2. С. 142.

<sup>70</sup> Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. С. 609–610.

<sup>71</sup> Неизданные места из «Дневника» А.В. Горского // Богословский вестник. 1914. № 10/11. С. 418.

<sup>72</sup> Савва (Тихомиров), еп. Указ. соч. Т. 5. С. 215.

<sup>73</sup> Неизданные места из «Дневника» А.В. Горского. С. 395.

<sup>74</sup> Савва (Тихомиров), еп. Указ. соч. Т. 5. С. 380.

<sup>75</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. СПб., 1883. Стб. 823.

<sup>76</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Записки архиепископа Никанора. Моя хиротония. 1871 год // Русский архив. 1908. № 2. С. 193, 196, 198.

- <sup>77</sup> Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. С. 609–610.
- <sup>78</sup> Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения за 1873 г. // ЖМНП. 1875. № 7. С. 5.
- <sup>79</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. СПб., 1877. Стб. 341; *Белявский Е.В.* Педагогические воспоминания. 1861–1902. М., 1905. С. 58.
- <sup>80</sup> *Танков А.А.* Министр народного просвещения Д.А. Толстой и церковные заповеди (Недавняя старина) // Исторический вестник. 1910. № 12. С. 879–880, 882.
- <sup>81</sup> Объяснительная записка дополнение к правилам для учеников гимназии и прогимназий и к правилам о взысканиях // ЖМНП. 1874. № 6. Министерские распоряжения. С. 200, 201.
- <sup>82</sup> *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 4. С. 637–638.
- <sup>83</sup> *Сумцов Н.Ф.* Из гимназических воспоминаний // Русская школа. 1905. № 1. С. 23.
- <sup>84</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. Стб. 347, 354.
- <sup>85</sup> *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 342.
- <sup>86</sup> *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 6. Сергиев Посад, 1906. С. 285. См. также *Сухова Н.Ю.* Указ. соч. С. 164.
- <sup>87</sup> *Вессель Н.Х.* Наша средняя общеобразовательная школа. СПб., 1903. С. 17.
- <sup>88</sup> *Дальман С.В.* Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX в. СПб., 2007. С. 34–35.
- <sup>89</sup> Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 год. СПб., 1871. С. 106.
- <sup>90</sup> *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета Министров (1802–1902 гг.). Т. 3. Ч. 2. СПб., 1902. С. 193–194.
- <sup>91</sup> Речи и статьи графа Д.А. Толстого. С. 182–183.
- <sup>92</sup> Письма митрополита Киевского Арсения к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2. С. 228; *Благовидов Ф.В.* Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891. С. 148.
- <sup>93</sup> Речи и статьи графа Д.А. Толстого. С. 184.
- <sup>94</sup> Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 г. СПб., 1876. С. 75.
- <sup>95</sup> *Никанор (Бровкович), архиеп.* Указ. соч. С. 195.
- <sup>96</sup> *Беляев А.А.* Указ. соч. Вып. 2. С. 187, 292.
- <sup>97</sup> *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 5. С. 847.
- <sup>98</sup> Переписка профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского с Александрой Николаевной Бахметевой // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 552.

© 2010 г. А. Е. ИВАНОВ \*

## «ПОЛОВОЙ ВОПРОС», БРАК, СЕМЬЯ В БЫТОВОМ СОЗНАНИИ И ПОСТУПКАХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ (1880-е гг. – начало XX в.)

В 1908 г. один из первых в России профессиональных врачей-сексологов приват-доцент Московского университета М.А. Членов в «Историческом очерке» к материалам осуществленной им же «Половой переписи» московского студенчества писал: «Половой вопрос во всех его многообразных разветвлениях в настоящее время несомненно представляет один из самых животрепещущих вопросов, интересующих человечество»<sup>1</sup>. В развитие этого тезиса современный американский исследователь профессор Л. Энгельштейн утверждает, что «половой вопрос» в постреволюционной России обрел точно такой же риторический характер, какой приобрели ранее «женский вопрос» и «социальный вопрос». Педагогическая общественность и врачи-гигиенисты,

\* **Иванов Анатолий Евгеньевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.